

А. Б. Соловьевым, показали, что в целом доказательства использовались на каждом двенадцатом допросе потерпевших и свидетелей, причем в 92,2 % случаев от общего числа они представлялись допрашиваемым с тем, чтобы сориентировать их на объективное освещение обстоятельств события и получение развернутых показаний [6, с. 19].

Таким образом, знание следователем порядка формирования показаний, а также субъективных и объективных факторов, обуславливающих этот процесс, определяет избрание тактических приемов допроса потерпевшего и способствует правильной оценке его показаний.

Список литературы: 1. *Закатов А. А.* Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. Волгоград, 1976. 72 с. 2. *Левитов Н. Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний. — Вопросы психологии, 1967, № 6, с. 118—129. 3. *Общая психология*/Под ред. А. В. Петровского. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1977. 479 с. 4. *Плотичер А. И.* Некоторые соображения по вопросу о фрустрации. — Вопросы психологии, 1969, № 2, с. 137—139. 5. *Путляева Л. В.* О функциях эмоций в мыслительном процессе. — Вопросы психологии, 1979, № 1, с. 28—36. 6. *Соловьев А. Б.* Использование доказательств при допросе. М., 1981. 104 с. 7. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. 304 с. 8. *Элькин Д. Г.* Восприятие времени. М., 1962. 311 с.

Поступила в редколлегию 14.12.83.

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук

Харьков

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос об осознании субъектом признаков, определяющих его как специального, долгое время в литературе не обсуждался. Обычно указывали, что сознанием виновного охватываются лишь признаки, относящиеся к объективной стороне посягательства, характеризующие его предмет и объект [5, с. 413—414]. Почти общепризнанным является тезис В. Н. Кудрявцева, полагающего, что субъективная сторона — это своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта [4, с. 171]. Ю. А. Демидов считает, что «умысел включает сознание тех свойств специального субъекта, которые являются конститутивными признаками общественно опасного деяния» [3, с. 9]. В. Д. Меньшагин в учебниках по Общей части писал, что поскольку в описании состава преступления указаны признаки специального субъекта, постольку сознанием виновного в данном случае должны охватываться и эти особенности субъекта [7, с. 165; 8, с. 153]. П. С. Дагель отмечает, что «сознание признаков специального субъекта входит в содержание умысла потому, что

они, определяя правовое положение субъекта, неразрывно связаны с лежащими на субъекте специальными обязанностями» [1, с. 84].

Против этих суждений высказался А. И. Рарог, который считает, что специальные признаки, характеризующие субъекта, не являются объективной характеристикой общественно опасного деяния, поэтому их отражение сознанием виновного не является элементом умысла [6, с. 29].

С утверждениями А. И. Рарога трудно согласиться. Хотя законодатель при описании умысла (прямого и косвенного) прямо не включает в его содержание осознание признаков специального субъекта, однако они всегда охватываются сознанием виновного. Такое положение прежде всего вытекает из системного характера состава преступления, который представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Осознание одного из элементов (признаков) состава обязательно влечет осознание (в общих чертах или более конкретно) и других признаков (элементов). Далее, осознание, например, признаков специального субъекта, в частности должностного положения лица, обусловлено тем, что указанный субъект в процессе совершения преступления всегда преступно использует свое социальное свойство (положение), которое и характеризует его как специального. Так, преступление, предусмотренное ст. 165 УК УССР, выражается в том, что общественно опасное деяние совершается должностным лицом в пределах предоставленных ему прав, в связи с занимаемой должностью, с использованием своего служебного положения, которое и характеризует субъекта преступления как специального. Или, при вынесении заведомо неправосудного приговора, решения или определения (ст. 176 УК УССР) виновный всегда преступно использует тот объем полномочий, которыми он наделен как судья, и т. п.

Таким образом, не вызывает сомнения, что сознательное использование социальных свойств, которые и характеризуют виновного как специального субъекта при совершении общественно опасного деяния, предопределяет отражение признаков такого субъекта, притом конкретное, в сознании виновного.

В содержание умысла входит и осознание признаков специальных субъектов, относящихся к личности виновного. Так, в ч. 1 ст. 108 УК УССР предусмотрена уголовная ответственность за заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью. В этом случае лицо всегда осознает наличие у него венерического заболевания (признак специального субъекта). Законодатель пользуется указанием на «заведомость», что и предполагает осознание факта болезни. Более того, если лицо не осознает признака специального субъекта (наличия у него венерической болезни), то его ответственность исключает-

ется. Равным образом сознанием виновного охватываются и такие признаки специальных субъектов, как прежняя судимость, наличие административного взыскания, особо опасный рецидив. Лицо достоверно знает о наличии этих свойств на его стороне, причем характерно, что, как правило, виновный понимает и те правовые последствия, которые наступят при совершении им повторных преступлений.

Изложенное дает основание заключить, что в содержание умысла входит и осознание признаков специального субъекта. Причем, если осознание общественной опасности деяния носит, как правило, общий характер и предопределяется жизненным опытом, образованием, общей культурой и т. п., то осознание признаков специального субъекта при умышленной форме вины со стороны лица более конкретно. Такая конкретность осознания обусловлена объективными факторами, о наличии которых лицо достоверно знает (например, предупреждение органов здравоохранения о имеющемся заболевании, приговор суда, создающий судимость, и т. п.).

Вопрос же о том, охватываются ли или должны охватываться сознанием виновного признаки состава, характеризующие его как специального субъекта, при неосторожной вине, в литературе еще не был рассмотрен.

Преступная самонадеянность и небрежность как виды преступной неосторожности «имеют единые психологические корни, порождаются одинаковыми отрицательными чертами личности: недостаточной осмотрительностью, невнимательностью, отсутствием заботы об общественных интересах» [1, с. 120]. В то время, когда психологическая основа видов неосторожной вины едина, психическое отношение виновного к признакам, характеризующим его как специального субъекта, различно, не совпадает по объему и содержанию.

Представляется, что при преступной самонадеянности сознанием виновного всегда охватываются признаки состава, характеризующие его как специального субъекта. Преступная самонадеянность имеет место, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывало на его предотвращение. В таких случаях виновный легкомысленно основывает расчет на предотвращение (ненаступление) преступных последствий именно на тех обстоятельствах, которые и характеризуют его как специального субъекта. Так, лицо, управляющее транспортным средством, увеличивая скорость на крутом повороте, безусловно, предвидит возможность наступления общественно опасного последствия. Вместе с тем в его сознание входит и расчет на предотвращение таких последствий, который может основываться, в частности, на профессиональной подготовленности, продолжительности стажа работы в качестве водителя и т. д. Расчет опирается именно на те обстоятельства, которые и выступают в этом

случае в качестве признака специального субъекта. В отдельных составах необходимость осознания признаков специального субъекта прямо указана в законе. Так, заражение венерическим заболеванием может быть совершено и по преступной самонадеянности, когда лицо осознает наличие у него венерической болезни, т. е. признака, который характеризует его как специального субъекта.

При преступной небрежности признаки специального субъекта должны и могут охватываться сознанием виновного. Преступная небрежность состоит в том, что лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя должно и могло их предвидеть. Применительно к преступлениям со специальным субъектом, совершение которых возможно по преступной небрежности, обязанность предвидения наступления общественно опасных последствий носит опосредованный характер, происходит через обязанность осознания в первую очередь тех обстоятельств, которые характеризуют виновного как специального субъекта. Это наглядно видно на примере халатности (ст. 167 УК УССР). Должностное лицо, совершая преступление по преступной небрежности, не предвидит наступления общественно опасного последствия, хотя должно и могло предвидеть, что невыполнение им своих служебных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения может причинить существенный вред государственным или общественным интересам, или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан. Долженствование осознания этим лицом возможности наступления общественно опасного последствия происходит в результате осознания им своего служебного положения, которое и выступает признаком специального субъекта. Поэтому требование закона о долженствовании осознания при преступной небрежности распространяется не только на общественно опасные последствия, но и на признаки, характеризующие лицо как специального субъекта.

С учетом изложенного следует заключить, что при совершении преступления по преступной самонадеянности сознанием виновного охватываются, а при преступной небрежности должны охватываться признаки, характеризующие его как специального.

Список литературы: 1. *Дагель П. С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 142 с. 2. *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с. 3. *Демидов Ю. А.* Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 16 с. 4. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступления. М., 1972. 349 с. 5. *Курс советского уголовного права.* Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. 643 с. 6. *Рарог А. И.* Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. 90 с. 7. *Советское уголовное право.* Часть общая. М., 1969. 370 с. 8. *Советское уголовное право.* Часть Общая. М., 1974. 441 с.

Поступила в редколлегию 12.10.84.